

ЭЛЬЧИН

СТЕКЛЯННАЯ РОЗА

Ар-15797

ЭЛЬЧИН

СТЕКЛЯННАЯ РОЗА

Рассказы

Перевела с азербайджанского
Алла Ахундова

Рисовала И.Эльдарова

ՄԳ(2-Դ) 0-4

НИГЯР, ЯЛЧЫН И ДЕДУШКА

Нигяр – это имя девочки. Ялчын – это имя мальчика. Девочку звали Нигяр, а мальчика Ялчын.

Нигяр четыре года, а Ялчыну – два.

У Нигяр игрушки, и у Ялчына игрушки. У Нигяр свой шар, у Ялчына свой, у Нигяр своя книжка с картинками, у Ялчына своя книжка с картинками, у Нигяр свой велосипед, и у Ялчына – свой.

Только Деда у них один, у Нигяр и у Ялчына.

На самом деле Деда – это дедушка Нигяр и дедушка Ялчына. И хотя дедушка один, но он обоим дедушка.

Нигяр ещё и говорить не умела, а как увидит дедушку, лопочет:

– Дэ-дэ-дэ?

Дедушка отвечает:

– Да-да-да!

Нигяр спросила:

– Да-да-да?

Дедушка отвечает:

– Дед, дед, дед!

Сначала Нигяр говорила:

– Да-да-да! Да-да-да!

Потом стала говорить:

– Де-де-де! Де-де-де!

Потом:

– Де-да! Де-да!

Так и научилась говорить: «Де-да!», то есть «деда». А «деда» и есть «дедушка».

Что Нигяр ни сделает, Ялчын делает то же самое. Что Нигяр ни скажет, Ялчын то же самое повторяет.

Нигяр дедушку зовёт «Деда», и Ялчын зовёт «Деда». Нигяр хочет, чтоб Деда всегда с ней играл, ей сказки рассказывал, ей песенки пел, и Ялчын хочет, чтоб Деда с ним играл, ему сказки рассказывал, ему песенки пел.

Что тут поделаешь? Ведь Деда один...

Ничего не поделаешь!

Однажды вечером играли Нигяр и Ялчын на балконе в «паровозики». Вдруг мама зовёт:

– Нигяр, Ялчын, идите скорей сюда! Дедушка по телевизору выступает.

Бегом вбежали Нигяр и Ялчын в комнату. Видят: сидят мама и папа на диване и смотрят телевизор. И Деда сидит в кресле и тоже смотрит телевизор. А в телевизоре – Деда!

И вдруг Деда запел...

Что такое?

Сидит перед телевизором один Деда, чай попивает, а другой Деда в телевизоре песни распевает. Это что же получается?

– Вот тебе раз!

Значит, теперь у Нигяр и Ялчына два Деда. Один в телевизоре смотрит, а другой из телевизора. Один чай попивает, а другой песни распевает.

Поглядела Нигяр на Деду, попивающего чай, а потом на Деду, распевającego песни.

Нигяр сказала:

– А-а-а!

Ялчын тут же сказал:

– А-а-а!

Вдруг Нигяр зашептала:

– Ялчын, Ялчын, знаешь что?

Ялчын тоже хотел прошептать: «Ялчын, Ялчын, знаешь что?..» – но быстро догадался, что этого делать нельзя, и прошептал в ответ:

– Нигяр, Нигяр, знаешь что?

– А что? – шепнула Нигяр.

– Ну что? – шепнул Ялчын.

– Вот что, – зашептала Нигяр. – Пусть этот Деда мой будет, и она показала на Деду, попивающего чай. – А тот, в телевизоре, – и она показала на Деду, распевającego песни, – будет твой! Пусть этот Деда всегда со мной играет, а тот – всегда с тобой. Хорошо, Ялчын?

Ялчын посмотрел на Нигяр, потом на Деду, попивающего чай, потом на Деду, распевającego песни...

Нигяр опять шепчет:

– Хорошо, Ялчын?

Ялчын и говорит громко:

– Нет уж, пусть этот Деда будет мой, а тот Деда – твой.

Как это могло произойти, до сих пор непонятно, но в это время распевавший песни Деда замолк и улыбнулся, а попивающий чай Деда перестал пить чай и засмеялся. Потом, глядя на Нигяр и Ялчына, тихо засмеялась мама.

СТЕКЛЯННАЯ РОЗА

Гюнай – это имя девочки. Совсем маленькой девочки. У Гюнай были брат и сестра. Брат Ялчын и сестра Нигяр.

Гюнай была меньше всех. Ялчын был чуть больше Гюнай, а Нигяр была чуть больше Ялчына.

Ялчын говорил:

– Смотри, Гюнай! Я больше тебя!

Вот я какой большой!

Нигяр говорила:

– Смотри, Ялчын! Я больше тебя!

Вот я какая большая!

Гюнай говорила:

– Я... я... кук-ла... я... я... я!..

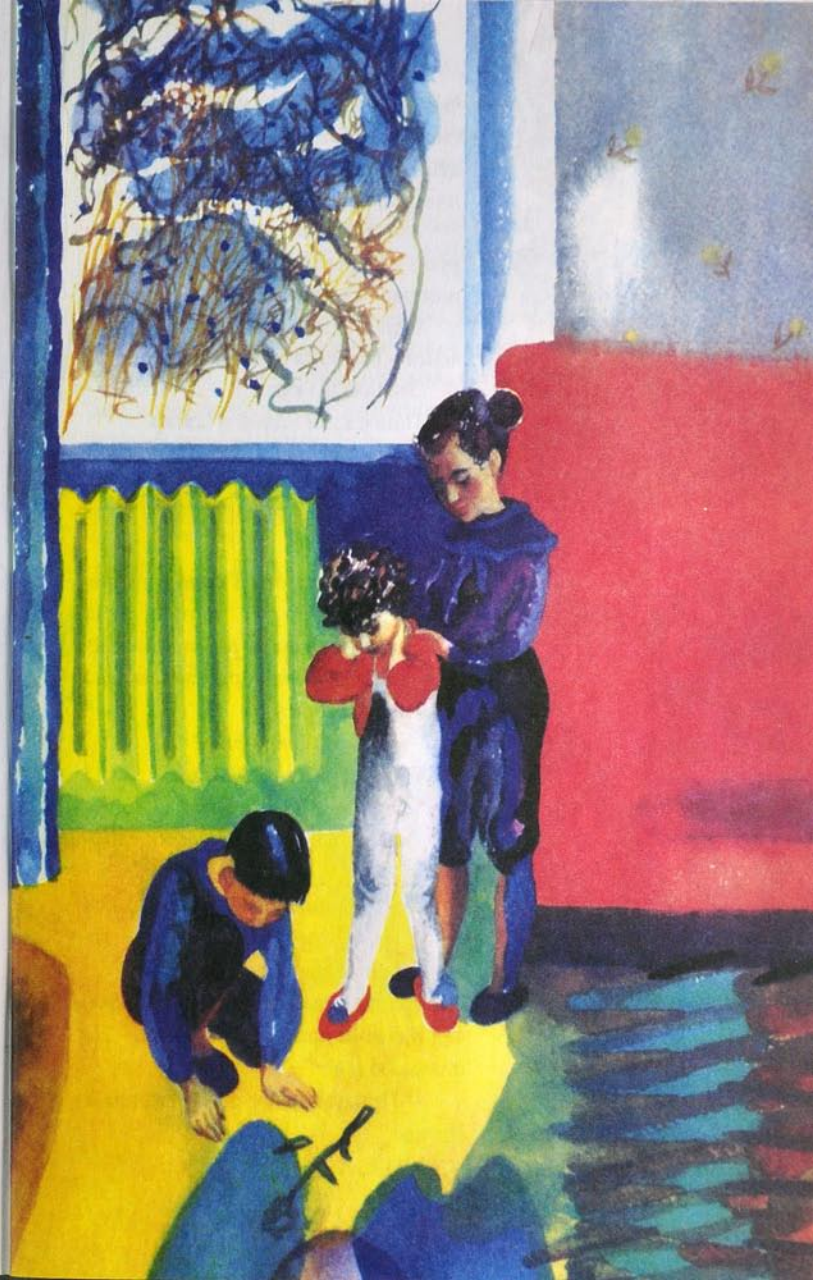
Гюнай хотела сказать: «Да, ты, Нигяр, больше Ялчына, а ты, Ялчын, больше Гюнай, а я, Гюнай, больше куклы».

Однажды, в студёный зимний день, принёс Деда розу. Стекланную розу. Роза была из алого стекла, а стебель и три зелёных листочка – из зелёного стекла.

Увидела Гюнай розу, залопотала:

– Ялчын, Нигуш... Деда... я...

Роза...

Гюнай хотела сказать: мол, Ялчын, Нияр, идите скорей сюда, посмотрите, какую красивую розу дедушка принёс! Но они играли далеко и не услышали.

Взяла Гюнай стеклянную розу в руки, повертела, повертела, поиграла, поиграла да и выронила...

Один из зелёных листочков откололся и разбился вдребезги.

Заплакала Гюнай.

Прибежали Ялчын и Нияр.

– Что случилось, Гюнай? – спрашивает Нияр.

Что Нияр ни скажет, Ялчын вслед повторяет.

– Что случилось, Гюнай? – спрашивает Ялчын.

Показала Гюнай разбитый зелёный листочек и ещё горше заплакала.

Нияр говорит:

– Ой, что ты натворила!

Ялчын тут же подхватил:

– Ой, что ты натворила!

Испугалась Гюнай и в голос зарыдала.

Но не плакать же ей теперь всегда!

– Придумала! Придумала! – закричала Нияр. – Не плачь, Гюнай!

– Придумал! Придумал! – закричал Ялчын и поглядел на Гюнай. – Не плачь, Гюнай!

– Придумал... что? – спросила Нияр.

Ялчын поглядел на Нияр и спросил неуверенно:

– Придумал... что? – и опять поглядел на Гюнай.

Нияр поглядела на обоих и сказала:

– Эх, вы! Мы в воду розу поставим. У неё новые листочки развернутся.

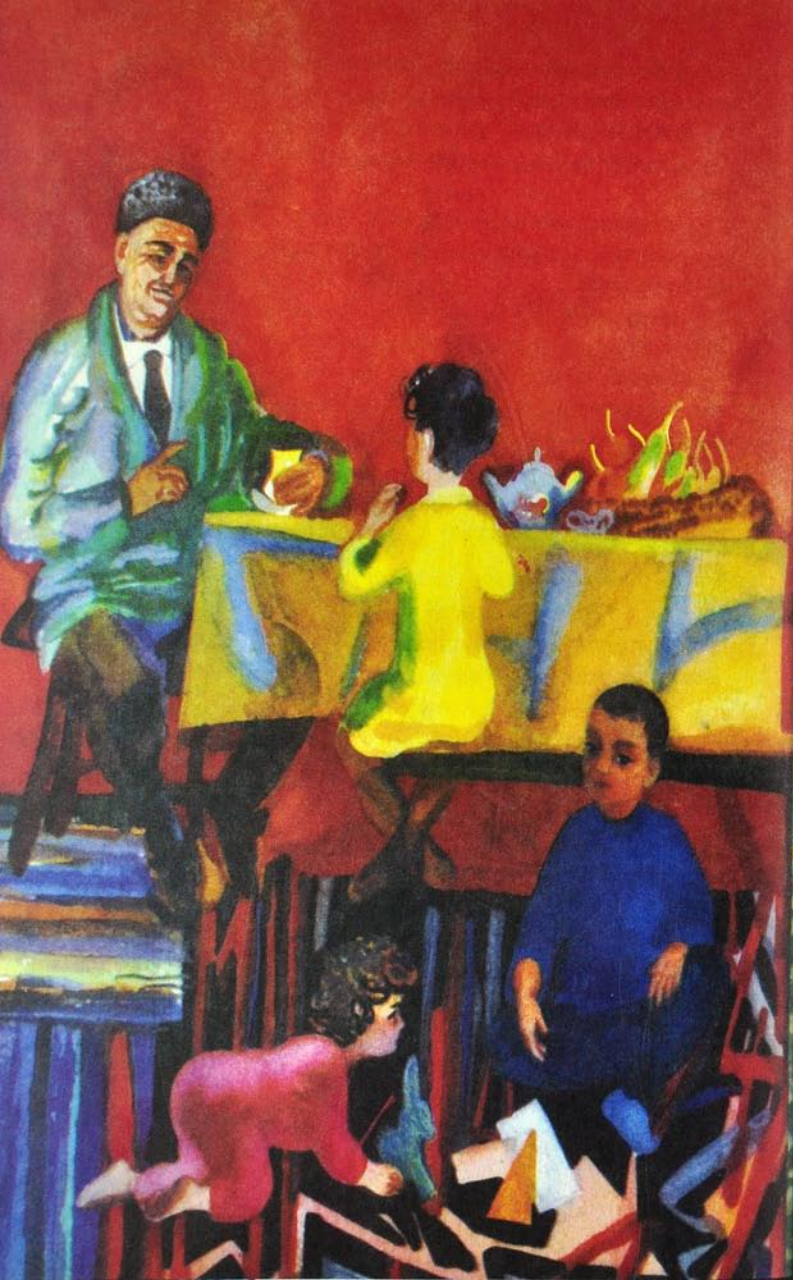
Ялчын поглядел на Нияр и сказал Гюнай:

– Эх, ты! Я же говорю: мы в воду её поставим, у неё новые листочки развернутся.

Нияр принесла стакан с водой. Поставила стеклянную розу в воду, в стакан, а стакан поставила на подоконник.

Постоит, постоит стеклянная алая роза на подоконнике, поглядит, поглядит через окно на улицу денёк, другой, неделю, а может, и месяц, пройдёт время, наступит весна, растает снег, прогреет солнышко, набухнут и лопнут на деревьях почки, развернутся и зазеленеют листья, и, когда распустятся все розы во всех долинах и садах, стеклянная роза не вытерпит и, развернув новый листок, тоже зазеленеет.

СКАЗКА О НИГЯР, ГЮНАЙ, ЯЛЧЫНЕ И БОЛЬШУЩЕМ- ПРЕБОЛЬШУЩЕМ ВОЛКЕ

Много каши едал, да не объедался, много врал-привирал, а так не завирался. Это при-сказка.

А сказка – вот она.

Однажды дедушка сказал:

– Завтра поедем в лес.

Нигяр сказала:

– Завтра поедем в лес! Ура-а!

Ялчын тут же сказал:

– Завтра поедем в лес! Ура-а-а!

Гюнай только и могла сказать, что:

– Уу-у-у! А-а-а-а!

Ялчын сказал:

– Деда, а я в лесу...

Потом посмотрел на Нигяр.

– Нигяр, а я в лесу...

Потом он посмотрел на Гюнай:

– Гюнай, а я в лесу...

Нигяр спросила:

– Ну что, Ялчын, что ты в лесу?

И Ялчын сказал:

– Я в лесу... вот такого, большущего-пре-большущего, страшного-престрашного, зубастого-презубастого волка поймаю.

Дедушка спросил:

– В самом деле?

Ялчын сказал:

– В самом деле. Да, поймаю!

Гюнай не знала, что сказать, и промолчала.

Нигяр не знала, поверить или не поверить, и промолчала.

Назавтра, по дороге в лес, дедушка спросил:

– Ялчын, а ты когда волка поймаешь?

Нигяр быстро взглянула на Ялчына, и Гюнай быстро взглянула на Ялчына.

Ялчын сказал:

– Когда увижу, тогда и поймаю.

Пришли они в лес. В лесу деревья большие-пребольшие, кусты густые-густые, ветки колючие-колючие. И голоса в лесу слышны разные, странные и немного страшные: «Ух-ух-ух! Ых-ых-ых! Хохо-хох, хох!»

Нигяр спрашивает:

– Ялчын, ты когда волка поймаешь?

Ялчын поглядел на большие-пребольшие деревья, на густые-густые кусты, на колючие-колючие ветви, послушал разные, странные и немного страшные голоса и промолчал.

Бродили они, бродили по лесу, устали, прилегли под деревом отдохнуть.

А Нигяр опять спрашивает:

– Ялчын, а ты большущего-пребольшущего, страшного-престрашного, зубастого-презубастого волка, когда поймаешь?

– Когда увижу, тогда и поймаю, – сказал Ялчын и уснул.

А когда проснулся, поглядел на дедушку и говорит:

– Знаешь что, дедушка?..

Потом поглядел на Нигяр:

– Знаешь что, Нигяр?..

Потом поглядел на Гюнай:

– Знаешь что, Гюнай?..

Нигяр говорит:

– Что, что, Ялчын, ну скажи, что?

Ялчын говорит:

– Я...

И поглядел на дедушку:

– Большущего-пребольшущего...

И поглядел на Нигяр:

– Страшного-престрашного...

И поглядел на Гюнай:

– Зубастого-презубастого...

И, ни на кого не глядя, выпалил:

– Волка сейчас поймал.

– Где? – спросил дедушка.

– Где? – спросила Нигяр.

– Г... г... г...? – спросила Гюнай.

– Во сне! – говорит Ялчын.

– Ха-ха-ха! – засмеялся дедушка.

– Ха-ха-ха! – засмеялась Нигяр.

– И-и-и! – засмеялась Гюнай.

– Хорошо, что во сне! – сказал дедушка.

– Хорошо, что во сне! – сказала Нигяр.

– То-то, то се-се! – сказала Гюнай.

Это она хотела сказать, что она тоже может поймать большущего-пребольшущего, страшного-престрашного, зубастого-презубастого волка... во сне.

ПОЧЕМУ НАДО МНОЙ СМЕЮТСЯ?

Почему надо мной смеются? Не понимаю. Зовут меня Селим. Имя как имя, ничего смешного. Мне четыре года. Тоже ничего смешного нет. Моей сестрёнке, смешно сказать, ещё вообще ни одного года нет, а над ней никто не смеётся. Почему-то все смеются надо мной. И почему-то всегда взрослые, уже большие дяди и совсем уже большие тётки. А почему смеются, не знаю.

Вот хотя бы сегодня... Ну, из-за чего дядя Фирудин надо мной смеялся?

Мама дала мне деньги, две монетки, бидон и сказала:

– Отдашь деньги дяде Фирудину, а он тебе нальёт молока. Смотри, чтоб бидон был полный, доверху. Купишь молока, иди сразу домой.

Взял я бидон. Спустился во двор. Пошёл за молоком.

– Здравствуйте, дядя Фирудин! – говорю.

– Здравствуй! За молоком? – спрашивает дядя Фирудин.

– Да, дядя Фирудин. Вот вам деньги. А мне налей молока. Только чтоб бидон полный был, доверху.

Взял дядя Фирудин деньги. Налил молока. Полный бидон. Доверху.

Пошёл я домой. Стал подниматься по лестнице. Ба-бах! И свалился. Я не заплакал. А чего плакать? Я на арбузную корку наступил, вот и поскользнулся. Бывает...

Молоко я пролил. Всё до капельки. Поднял пустой бидон, вернулся назад.

Дядя Фирудин спрашивает:

– Ты что вернулся, Селим?

Я ему:

– За молоком. Налей снова, только чтоб полный был бидон, доверху.

Дядя Фирудин говорит:

– А почему это я должен тебе снова наливать, а, дорогой?

– Как почему? Я вам деньги отдал? Отдал. Две монетки? Две! Вы мне молока наливали? Наливали!

– Ну, вот, сам же говоришь, что наливал, – говорит дядя Фирудин.

– Да, наливали. Но я же то молоко пролил. Так что надо снова налить.

Дядя Фирудин смотрит и как будто не понимает.

Я ему объясняю:

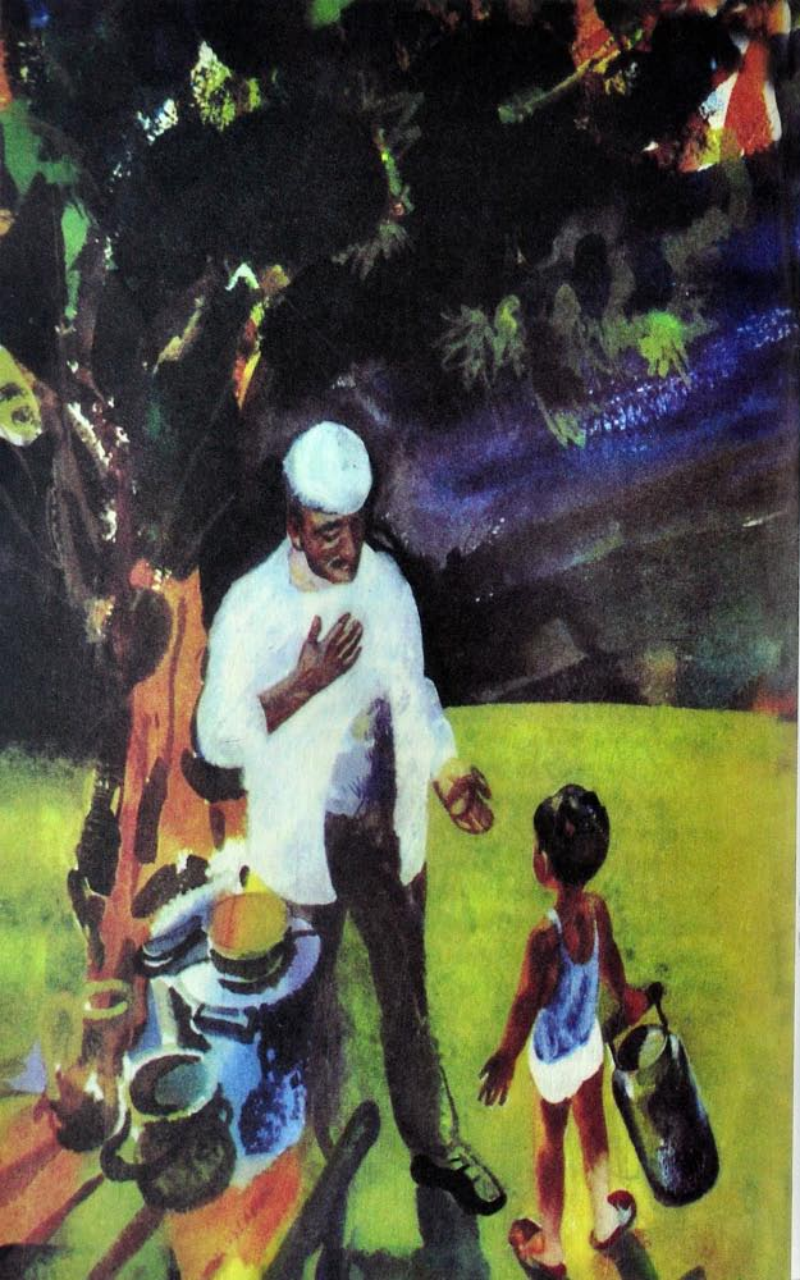
– Я вам деньги отдал? Отдал! А молоко где? Нет молока. Я же не выпил его, то молоко. Я его даже до дома не донёс. Всё до капельки пролил. Снова наливайте.

Посмотрел на меня дядя Фирудин, посмотрел да как начал смеяться.

Я спрашиваю:

– Что вы смеётесь?

А он говорит:

Ар-1579 4

– Ничего... Вырастешь, сам поймёшь.
А что я, маленький? Ещё три зимы, и в школу пойду. Какой же я маленький?
Потом дядя Фирудин взял у меня бидон, налил молока. Поднял бидон, доверху. Принёс я молоко домой. Мама молоко вскипятила. Я пил молоко из большой кружки и думал: «Почему он смеялся?»
Но так ничего и не придумал.

Arshayan Mini
Kitabxanas

РОЗА

Роза очень маленькая. Совсем маленькая. Такая маленькая, ну просто крошечная. Когда она появилась у нас дома, папа сказал:

– Это твоя сестрёнка Роза!

И мама сказала:

– Это твоя сестрёнка Роза!

И бабушка сказала:

– Это твоя сестрёнка Роза!

А теперь бабушка говорит:

– Ах ты, Роза моя, розочка, розочка, розанчик мой!

– Бабушка, Роза – моя! – говорю я.

– Твоя, твоя, Селим! – говорит бабушка, а потом забывает и снова начинается:
– Ах ты, Роза моя, розочка, розанчик мой!

Мама тоже:

– Роза! Роза моя! Роза! Радость моя!

Я маме напоминаю:

– Мама, Роза – моя!

– Твоя, твоя, Селим! – говорит мама и тут же всё забывает и опять твердит: – Роза! Роза моя! Роза! Радость моя!

И папа то же самое говорит:

– Ах, моя розочка, ах, моя козочка!

И дедушка, даже дедушка тоже говорит:

– Моя Роза! Моя Роза!

Не поймёшь этих взрослых!

Сначала говорят: твоя Роза, теперь говорят: моя Роза!

Надоело мне всё это.

Решил я так: пусть у них своя Роза будет, а я себе свою заведу.

Пошёл к дяде Фирудину и говорю:

– Дядя Фирудин, я хочу завести Розу.

– Зачем тебе? – спрашивает дядя Фирудин.

– Как зачем? – говорю. – Чтоб у меня была своя собственная Роза, моя Роза.

Дядя Фирудин кивнул головой: мол, понял... И пообещал:

– Попробуем раздобыть!

Прихожу к нему на завтра.

– Раздобыл?

– Нет, – говорит.

Прихожу на послезавтра.

– Ну, раздобыл?

– Нет пока... – говорит.

Прихожу на послепослезавтра.

– Вот, держи! – говорит дядя Фирудин и протягивает мне горшок, а в горшке цветочек. Маленький, красненький такой цветочек.

Я говорю:

– Что это?

– Роза! Бери осторожней, не разбей горшок.

– Ну что ты принёс? Горшок с цветком! Мне не такую розу надо.

Я не такую хочу.

Дядя Фирудин говорит:

– А какую тебе надо, Селим?

Я говорю:

– Мне такую Розу надо, как моя сестрёнка.

Расхохотался дядя Фирудин, а потом говорит:

– Уморил ты меня, Селим!

Я его уморил!!!

Это он меня уморил. Я три дня ходил, пока он Розу раздобудет.

А он раздобыл... горшок с цветком. И ещё смеётся. Это мне над ним надо смеяться. Но я же не смеюсь.

А, правда, почему это ему смешно, а мне нет?..

ГЮНАЙ, УМАЙ, ПОДСОЛНУХ И КВОЧКИНЫ ЦЫПЛЯТА

Зима прошла, весна пришла, земля запела, зацвела. А тут и лету пришла пора, началась жара...

Вместе с папой, вместе с мамой две сестры, Гюнай и Умай, сели на машину и поехали в деревню.

Во дворе деревенского дома, где жили Гюнай и Умай, было много разных деревьев. Девочки сразу узнали их:

– Смотри-ка, груша!

– Смотри-ка, яблоня!

– А вот алыча...

Был во дворе и огород. На огороде посадили и кукурузу, и фасоль, и помидоры, и даже огурцы, чуть в стороне тянулся вверх какой-то огромный цветок, круглый, как колобок, с жёлтыми-прежёлтыми лепестками. Ни Гюнай, ни Умай не знали, что это такое.

Спрашивает Гюнай:

– А это что?

Мама отвечает:

– Это подсолнух. Упало, видно, зёрнышко в огород, вот он и вырос.

Умай удивлённо пожала плечами:

– А что такое подсолнух?

По правде сказать, и Гюнай не знала, что подсолнухи бывают такими, но, что такое подсолнух, Гюнай знала.

И Гюнай быстро сказала:

– Знаешь, что такое подсолнух, Умай? Это то, откуда мы семечки грызём, это и есть подсолнух!

Умай подняла голову:

– Понятно, понятно! Давай его погрызём!

Маленькой была Умай. Было Умай всего пять лет.

Мама говорит:

– Нет, Умай! Подсолнух должен подрасти, созреть. Вот созреет, мы его сорвём, семечки вылушим, на сковородке поджарим, а вы где-нибудь сядете, и будете грызть, только, чур, шелухой не сорить!

После этого Гюнай и Умай только и делали, что в огород каждый день бегали, подсолнух поливали, маленькой лопаткой землю под ним рыхлили и строго следили, чтобы ни телята, ни козлята в огород не забрели и не съели их подсолнух.

Просыпались Гюнай и Умай каждый день рано-ранёшенько, и как только проснутся, из окошка высунутся и глядят, как там их подсолнушек.

Прошли дни, стал подсолнушек большим и красивым подсолнухом с крупными чёрными семечками.

За два дня до отъезда в город мама говорит:

– Сегодня сорвём подсолнух.

Умай закричала:

– Ура!

А Гюнай говорит:

– Не кричи так громко, Умай!

А сказала Гюнай так потому, что она немного жалела подсолнух.

Подсолнух сорвали, вылутили из него Гюнай и Умай семечки, мама подсолнуховые семечки на сковороде поджарила и принесла каждой по полному блюдцу жареных семечек.

Гюнай и Умай схватили по целой горсти еще горячих семечек и побежали во двор, чтобы там всласть их пощёлкать.

Через некоторое время Гюнай и Умай бежали в дом:

– А мы цыплятам семечек дали!..

– Цыплята семечки клевать не станут, – улыбнулась мама.

Во дворе в курятнике жила квочка с шестью цыплятами. Цыплята вылупились четыре дня назад и были ещё совсем маленькими, каждый не больше яйца, только и было у них, что жёлтые клювики, да тоненькие ножки. Куда таким маленьким такие крупные семечки клевать!

Гюнай и Умай вместе с мамой подошли к курятнику и заглянули в оконце.

Квочка расхаживала по курятнику, важно квохтала, а цыплята, попискивая, бегали за ней. Умай бросила в курятник горсть семечек.

– Цыплята! Цыпочки! Ешьте...

Курица, не переставая квохтать, подошла и склюнула крупное семечко. Цыплята, толкаясь, опрокидываясь на ходу и непрерывно попискивая, двинулись к матери. Квочка расколола клювом толстую кожуру и выбросила на землю белое ядрышко. Цыплята, опять толкаясь и попискивая, сбежались к этому белому ядрышку, но оно было крупное, крепкое... Квочка раскудаhtалась и снова взяла семечко в клюв, раскрошила и высыпала на землю. Цыплята склевали крошки в один миг.

– Видели! – крикнула Умай.

Теперь Гюнай бросила семечки, и цыплята снова склевали их. Квочка то и дело косилась на девочек, цыплята пищали. Видно, им очень уж пришлось по вкусу семечки подсолнуха.

– Я все свои семечки отдам цыплятам! – сказала Гюнай.

– И я все свои семечки отдам цыплятам, – сказала Умай.

Так они и сделали, только Умай спросила:

– Гюнай, а можно я одно семечко съем сама?

Гюнай взглянула на Умай, покачала головой, потом глубоко вздохнула и сказала:

– Ладно, Умай. Одно можно, съешь.

Ну что поделаешь, Умай была ещё такой маленькой.

Потом Гюнай и Умай принесли цыплятам ещё семечек, потом ещё и ещё и за два дня скормили им все до единого семечка. Не считая того, которое Умай съела сама, и того, которое Гюнай сама не съела и цыплятам не отдала, и даже не дала маме, чтобы та его на сковородке поджарила.

Цыплята так привыкли к Умай и Гюнай, что, завидев девочек, бросались к ним с весёлым писком: дескать, хорошие у вас семечки, мы таких ещё хотим.

А потом Гюнай и Умай вместе с мамой и вместе с папой вернулись в Баку. Потом кончилось лето, наступила осень, на деревьях пожелтели листья, зарядили дожди. Потом пришла зима, повалил снег. Однако и Гюнай и Умай не забывали ни о жареных семечках из подсолнуха, ни о цыплятах, которые с удовольствием ели семечки; ни о курице, которая так ловко лушила семечки для своих цыплят; ни о том единственном семечке, из которого, кто знает, когда-нибудь вырастет новый большой подсолнух.

И УВИДЕЛА УМАЙ СОН

Умай такая хорошая, такая хорошая, ну такая хорошая девочка, что так сама и говорит, что Умай – хорошая девочка.

В один прекрасный день кончился день, наступил вечер, все дети уснули, даже её старшая сестра Гюнай уснула.

Гюнай старшая, да такая старшая, ну такая старшая и большая, что такими старшими и большими бывают только в шесть лет.

А Умай – младшая, да такая младшая, ну такая младшая и маленькая, что такими младшими и маленькими бывают только в три года.

Но хотя старшая сестра Гюнай и большая, а всё же уснула, а Умай хотя и младшая и маленькая, а вот и не уснула.

Лежала Умай в постели и нисколько не хотела спать, ну вот нисколько, ну ни капельки, ну никак не хотела спать. А хотела Умай, чтобы пришли к ней какие-нибудь хорошие, не какие-нибудь, а только очень хорошие, только самые хорошие-прехорошие друзья. Вот бы они вместе поиграли!

Да, да, да! Так не хотела спать.

Умай, так не хотела, ну совсем не хотела... Закроет глаза, а они открываются, закроет, а они открываются, откроет, а они закрываются...

И увидела Умай мячик. Был у неё мячик. Такой большой красный мячик, но только очень красный, ну просто самый красный мячик.

И видит Умай, как её красный мячик покатился по полу, выкатился за дверь, прыг-скок, прыг-скок, и перескочил через порог, прыг-скок, прыг-скок и вниз по лестнице спустился, прыг-скок, прыг-скок, в путь по улице пустился.

А навстречу ему маленький резиновый мышонок. Идёт и пищит, идёт и пищит. Спрашивает мышонок-писклёнок:

– Куда это ты, мячик, так торопишься?

А мячик в ответ:

– Иду я хороших друзей девочки Умай искать. Вот найду их, соберу, к Умай отведу, пусть она с ними поиграет, а то ей не спится.

Говорит мышонок:

– Умай – хорошая девочка. Она, когда совсем маленькая была, часто со мной играла, вместе со мной пиццала и ещё обещала, что никогда меня не бросит. Возьми меня с собой.

– Что ж, пойдём!

Впереди мячик катится, за мячиком мышонок-писклёнок тащится. Шли они, шли, шли они, шли, шли они, шли, и вдруг им навстречу идёт усатый кот. Спрашивает кот:

– Куда это ты, мячик, так торопишься?

Мячик в ответ:

– Иду я хороших друзей девочки Умай искать. Вот найду их, соберу, к Умай отведу, пусть она с ними поиграет, а то ей не спится...

Говорит уса́тый кот:

– Умай – хорошая девочка. Когда меня ей подарили, она со мной долго играла и всем обещала, что никогда у меня усов выдирать не будет. Возьми меня с собой!

– Что ж, пойдём!

Впереди мячик катится, за ним мышонок-писклёнок тащится, а за ним уса́тый кот важно так идёт. Шли они, шли, шли они, шли, шли они, шли, и вдруг им навстречу жираф. С длинной-предлинной шеей и весь в пятнышках.

Спрашивает жираф:

– Куда это ты, мячик, так торопишься?

Мячик в ответ:

– Иду я хороших друзей девочки Умай искать. Вот найду их, соберу и к Умай отведу, пусть она с ними поиграет, а то ей не спится...

Говорит жираф:

– Умай – хорошая девочка. Когда я был нарисованным на картинке жирафом, Умай часто мной любовалась. И обещала, что никогда такую красивую картинку не порвёт. Возьми меня с собой.

– Что ж, пойдём!

Впереди мячик катится, за ним мышонок-писклёнок тащится, за ним уса́тый кот важно идёт, а за котом жираф с длинной-предлинной шеей и весь в пятнышках выступает. Шли они, шли, шли они, шли, шли они, шли, а навстречу им зелёный карандаш.

Спрашивает зелёный карандаш:

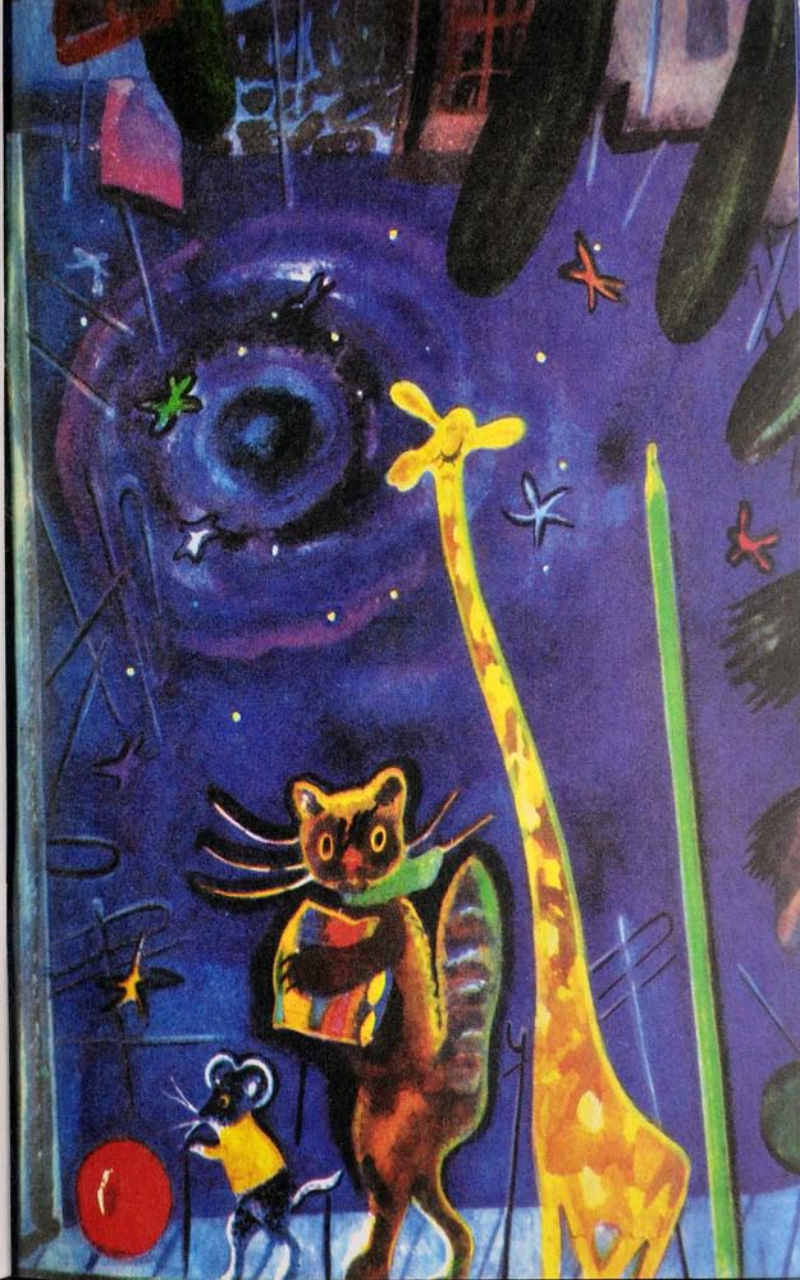
– Куда это ты, мячик, так торопишься?

Мячик и говорит:

– Иду я хороших друзей девочки Умай искать. Вот найду их, соберу, отведу к Умай, пусть она с ними поиграет, а то ей не спится.

Зелёный карандаш говорит:

– Умай – хорошая девочка. Она мною долго рисовала и ещё обещала, что не будет меня грызть и ломать, а будет мною только зе-

лёные листочки и травку рисовать, а солнышко зелёным карандашом рисовать не будет... Возьми меня с собой!

– Ну что же, пойдём!

Впереди мячик катится, за ним мышонко-писклёнок тащится, за мышонком усатый кот важно идёт, за котом жираф с длинной-предлинной шеей и весь пятнышками выступает, за жирафом зелёный карандаш шагает. Шли они, шли, шли они, шли, шли они, шли, вдруг посреди улицы останавливает их милиционер, в свисток свистит, рукой берёт под козырёк, честь им отдаёт и говорит:

– Товарищ мячик, куда это вы таким срочным порядком торопитесь? Всю улицу перегородили, движение задерживаете, порядок нарушаете.

Мячик отвечает:

– Товарищ милиционер, мы друзья Умай. Идём к ней, хотим с ней поиграть.

Милиционер улыбнулся и говорит:

– А! Вот оно что! Ну что ж! Умай – хорошая девочка. Я слышал, как она обещала по пустыкам не плакать, маму слушать, кашу кушать, со старшей сестрой Гюнай не драться... Возьмите меня с собой!

– Ну что ж, товарищ милиционер, пойдём!

Впереди мячик катится, за мячиком мышонко-писклёнок тащится, за мышонком усатый кот важно идёт, за котом жираф с длинной-предлинной шеей и весь в пятнышках выступает, за жирафом

зелёный карандаш шагает, а за карандашом милиционер марширует. Шли они, шли, шли они, шли, шли они, шли, все препятствия прошли, все ветры преодолели и пришли, наконец, к Умай.

С одной стороны пришли к Умай её хорошие друзья, а с другой стороны солнышко встало.

**Солнце встало, утро настало.
Проснулась Умай. Встала.
Проснулась Умай, встала,**

направо поглядела, налево поглядела, туда заглянула, сюда заглянула, там поискала, тут пошарила, а только ни мышонка-писклёнка, ни усатого кота, ни жирафа с длинной-предлинной шеей и в пятнышках, ни зелёного карандаша, ни милиционера не увидела. А увидела свой красный мячик.

– А где, – закричала Умай, – мышонко-писклёнок, где усатый кот, где с длинной-предлинной шеей и в пятнышках жираф, где зелёный карандаш, где милиционер? Отвечай, противный мячик.

Ничего не ответил мячик.

И тогда рассердилась Умай и...

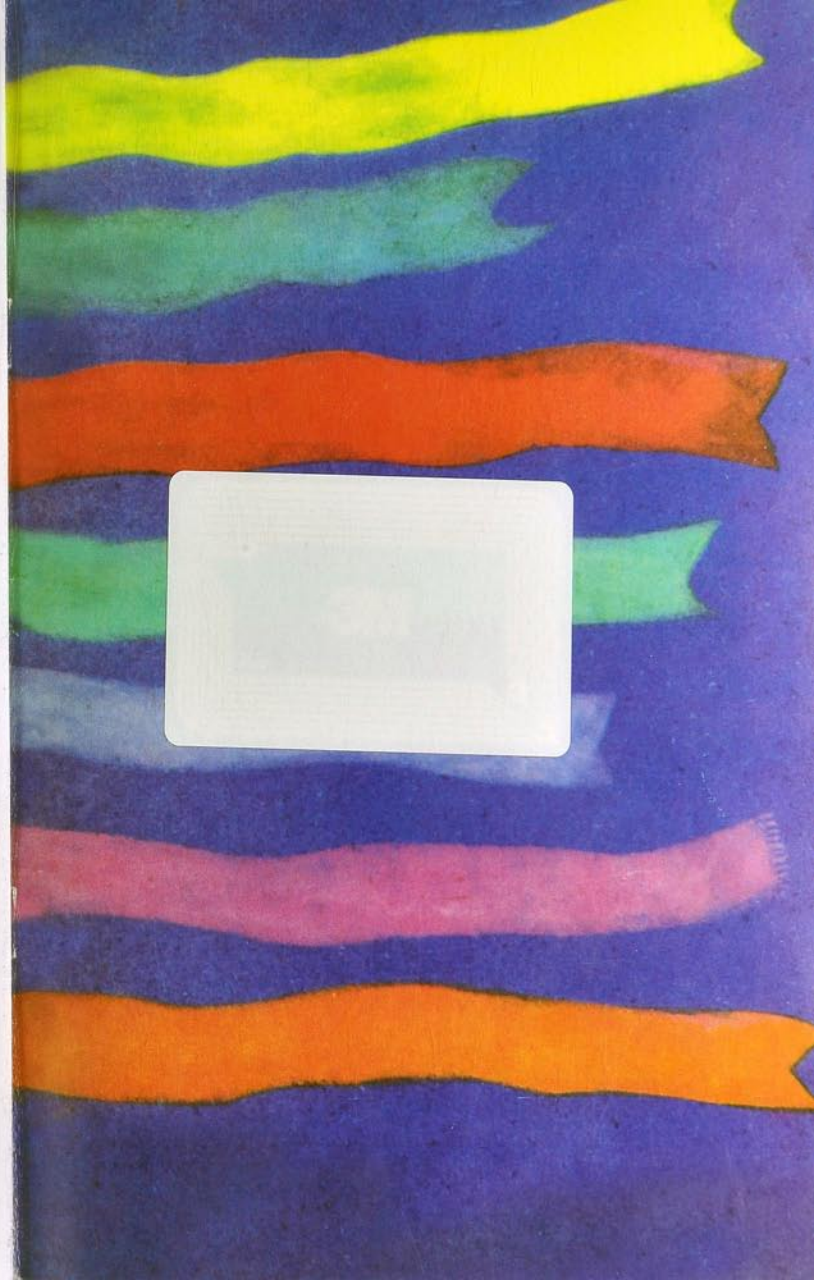
Стукнула Умай по мячу, так стукнула, так сильно стукнула, что мячик даже подпрыгнул, высоко подпрыгнул, так высоко подпрыгнул, что до окна допрыгнул и даже совсем выпрыгнул из окна и покатился мячик по улице.

Высунулась Умай из окна и видит: стоит посреди улицы милиционер, а через улицу мячик катится, а по улице машины, машины...

Остановил милиционер свистком всё движение. Остановил все машины, поднял мячик с земли, поглядел направо, поглядел налево, увидел в окне Умай, улыбнулся ей, взял рукой под козырёк, отдал Умай честь, перешёл через улицу, подошёл к окну и протянул Умай её красный мячик.

Умай – хорошая девочка, очень хорошая, только в тот день Умай так сама о себе не говорила, что Умай – хорошая девочка, и была от стыда красная, такая красная, ну такая красная, что такими красными даже мячи не бывают.

Вот как бывает.

Апр 2016
80

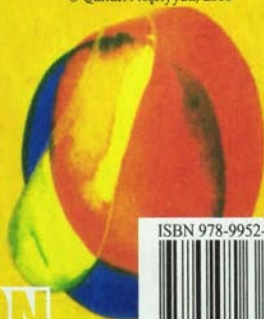
ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Эльчин
СТЕКЛЯННАЯ РОЗА
Рассказы

Ваку, Издательство Ганун
Подписано к печати: 02.05.2016

Издательство «Ганун»
Баку, Азербайджан, AZ 1102,
Тбилисский прос., 76.
Тел.: (+994 12) 431-16-62; 431-38-18.
Моб.: (+994 55) 212 42 37
e-mail: info@qanun.az
www.qanun.az
www.fb.com/Qanunpublishing
www.instagram.com/Qanunpublishing

ISBN 978-9952-36-212-1

© Эльчин, 2016
© Qanun Nəşriyyatı, 2016

QN
QANUN
NƏŞRIYYATI

ISBN 978-9952-36-212-1

9 789952 362121

Qiyməti: 3.49^{azn}